

Почему же Моисей Гуппи смог существовать после смерти Мелодии Раковины в её остаточном сне более девятисот лет?

Разумеется, потому что тот, кто прожил эти девятьсот лет, не был настоящим Моисеем Гуппи.

Теперешний Моисей по своей сути ничем не отличался от кораллов, анемонов, увядших водорослей и песчинок, что только что растворились в темноте. Он был тем же, чем и они — иллюзией сна, не более чем образом, сотканным из памяти.

Он был всего лишь тенью во сне, воплощением воспоминаний Мелодии Раковины о настоящем Моисее Гуппи.

И в действительности он не должен был обладать таким ясным и последовательным мышлением — но тем не менее обладал.

Почему?

— Потому что последний сон Мередис длился слишком долго, — сказал он, опускаясь рядом с Линем и, подперев голову рукой, погрузился в воспоминания. Волны его голубых кудрей мерцали в слабом розовом свете жемчуга. — Изначально я просто сидел на скале и день за днём пел ей песни.

Проблема заключалась в том, что даже оставшаяся тень богини снов знала, что Моисей Гуппи — не из тех, кто может вечно сидеть на одном месте.

И потому, под контролем этого подсознательного остатка воли, Моисей во сне плавал в море, отбивал ритм камешками по раковинам, наблюдал, как спариваются анемоны и размножаются коралловые полипы. Иногда он подносил к уху раковину, где прятался чужой сон, и подслушивал, что там происходит.

А когда слышал что-то глупое или возмутительное — ругался!

Потому что настоящий Моисей Гуппи являлся таким человеком.

Мелодия Раковины наделила этот образ слишком большим стремлением к действию. Пусть океан сна не был таким уж бескрайним, богиня всё же создала Моисею иллюзию нескучной жизни. И тень Моисея наслаждалась этим... пока однажды не вспомнила:

— Пойдите... Я ведь уже умер, разве нет? — сказал он тогда сам себе.

Да, Моисей Гуппи умер. После того как Мелодия Раковины — не вынеся внутренней боли и, быть может, поддавшись козням Девы Серебряной Луны — покончила с собой, её апостол стал

первым, кто обнаружил тело своей богини.

Он собрал останки — ту самую «Раковину» — и, не колеблясь, последовал за своей повелительницей.

Как потом эту «Раковину» нашли, как из-за неё разгорелись войны, как основная часть оказалась запечатана в Инквизиции, а осколки попали к Деве Серебряной Луны — обо всём этом Моисей не знал.

Он просто вспомнил... или, вернее, получил от оставшегося во сне облика богини воспоминание о собственной смерти — и в тот миг иллюзия проснулась.

Моисей Гуппи умер после Мелодии Раковины. Но если у бога остаётся тень, то у смертного — нет.

Душа Моисея, очищенная Инеевым Звоновраном, замёрзла на его снегах и рассеялась. Умиряющая богиня снов не могла удержать её.

Что же тогда двигало этой остаточной тенью? Почему она сотворила во сне копию Моисея — поющего, смеющегося, ругающегося на раковины?

И когда тот образ осознал всё — как ему было жить дальше, понимая, что всё вокруг лишь сон?

Он не был настоящим Моисеем Гуппи. Его память состояла из того, что богиня хотела помнить о нём, и того, что богиня хотела, чтобы он помнил о себе. Его личность стояла на пустоте. И всё же...

И всё же он верил.

Он всё ещё твёрдо и непоколебимо верил в свою богиню.

— Так зачем тебе нужен священник, который в тебя не верит? — насмешливо спросил Моисей.
— Не надейся, что сможешь изменить мою веру. Может, это вообще моя базовая характеристика как персонажа сна.

«То есть ты ОМП, ООС которого невозможен без воли автора», — Линь кивнул: он понял эту шутку.

— Мне не так уж нужна вера, — спокойно сказал он.

— Ха! Вот почему ты всё ещё просто семя, — фыркнул Моисей. — Смотри, а то вырастешь

кривым деревцем.

— Я, честно говоря, даже не знаю, зачем она нужна, — признался Линь. — На самом деле мне нужен не священник, а учитель. Учитель, который сможет объяснить мне теологию.

Ему был нужен тот, кто знал бы тайны богов, кто помнил бы историю до нового календаря, кто имел бы опыт противостояния Инквизиции и мог бы научить, как скрываться от её инквизиторов. И при этом — хоть немного верил в добро, потому что сам Линь не был из числа кровавых фанатиков.

А ведь этот девятисотлетний русал, с его привычкой давать прозвища богам, подходил идеально.

Моисей, конечно, заметил, насколько поверхностны знания Линя.

В каком-то смысле, его вполне можно было назвать недоразвитым богом.

Но всё же Моисей скрестил руки.

— Нет, нет, нет. Я уже работаю девятьсот лет без отдыха, — сказал он. — Пора мне, наконец, уйти на покой.

Он, очевидно, хотел поступить так же, как и настоящий Моисей Гуппи, — последовать за своей богиней.

Линь понял. И был готов это принять. Он действительно уважал этого русала, который, даже познав правду, продолжал девять веков хранить остаточную тень Мелодии Раковины.

Но он всё ещё очень нуждался в учителе. Поэтому решил попробовать снова.

— Я учусь быстро, — сказал он, изменив выражение лица и глядя с искренностью. — Мистер Моисей, тебе ведь и ждать долго не придётся, прежде чем получить отдых.

— ...Это какой-то чёрный юмор? — дёрнулся уголок рта у Моисея.

Линь и сам понял, что сказанное им только что в прошлом мире стало бы уморительным мемом, гуляющим по всему интернету, и благоразумно закрыл рот.

Спустя минуту, решив сменить подход, он спросил:

— Получается, мистер Моисей, кем ты теперь считаешься?

— Иллюзией во сне, — просто ответил тот. — А кем же ещё?

— Иллюзия во сне, говоришь? — прищурился Линь. — Тогда как ты смог использовать телепатию, а ещё выйти наружу во время ритуала поиска осколка, да так, что вмешался в сам обряд? Иллюзии такое не под силу.

— Потому что повелительница... — начал Моисей, но осёкся.

Он замер, погрузившись в тяжёлые раздумья.

— Мистер Моисей, — сказал Линь мягко, — после того как я получил эту жемчужину от Мелодии Раковины, я вижу твою суть. Да, ты похож на созданных во сне существ — кораллы, анемоны... но всё же отличаешься от них.

Он указал пальцем Моисею в грудь:

— У тебя есть ядро.

Моисей опустил голову, поражённо разглядывая себя.

— Ядро? Магическое ядро? Или... постой, я что, порождение сна? Я — кошмар?!

Кошмары были порождением осквернённой силы Мелодии Раковины — тварями, проникающими в сны людей, чтобы мучить их видениями крови и страха, пока те не погибнут, а их душа не будет поглощена.

После гибели Мелодии Раковины кошмары почти исчезли. Лишь Дева Серебряной Луны изредка создавала их — настолько редко, что даже в «Энциклопедии тёмных существ» они значились как исчезающее и крайне опасное явление.

— Что за бред?! — воскликнул Моисей, побледнев. — Я, чёрт возьми, кошмар?!

Линь кивнул... потом поморщился и покачал головой.

— Подожди. Но ведь ты не проявляешь ни капли жестокости, безразличия к жизни или кровожадности, свойственной кошмарам. Девятьсот лет, проведённые во сне, можно не считать. Но даже теперь, встретив верховного инквизитора, ты лишь злился на него, а не пытался его убить. А на Яркитогу вообще не обратил внимания. Это совсем не поведение демона.

— Потому что я не демон! — взорвался Моисей.

Он встретился взглядом с Линем.

— Я ведь... правда не демон? — спросил он уже тише, с тревогой.

Линь улыбнулся.

— У тебя есть ядро. Пусть теперь, когда сила Мелодии Раковины почти иссякла, оно едва светится и вскоре перестанет поддерживать твоё существование... но оно есть.

Моисей выглядел так, словно на него только что обрушилась небесная кара.

Линь задумчиво продолжил:

— Если у тебя есть ядро, но ты не демон... быть может, ты — святой дух?

Святые духи являлись существами, противоположными демонам, рождающимися из силы Шести Столпов. Они не были людьми, но и не были созданиями скверны.

Линь видел их сам — световых фей, детей Дракона Света, что жили у геотермальной станции Шпиневиля.

Во время экскурсии от школы инквизиторов он даже касался одной из них. Учителя тогда строго предупреждали:

«Не обманывайтесь их милыми лицами. Эти создания живут при температуре пять тысяч градусов. Одно прикосновение без магического скафандра — и вас не станет».

Но феи действительно не имели злобного характера. Они были как дети — добрые, любопытные и чистые.

Без скверны.

Линь взглянул на Моисея. Моисей — на самого себя.

Лицо русала исказилось — между смехом и плачем, будто мышцы не знали, какую эмоцию выбрать.

— Что это значит? Что всё это значит?! — сорвался он на крик. — Мередис страдала от скверны всю жизнь, а после смерти... нашла способ её очистить?! Что это вообще значит?!

— Что это значит... — тихо повторил Линь.

Моисей закрыл лицо руками, словно стыдился слёз.

Линь медленно улыбнулся.

— Это значит... что я понял, — его взгляд стал мягким. — Мелодия Раковины не погибла под тяжестью боли. Ты — жемчужина, которую она породила.

Моисей застыл. Слёзы остановились, и гнев растворился, как приливная волна. Он поднял голову, и в его глазах отразился свет дрожащих жемчужин сна.

Они молчали. Пока Моисей, почувствовав жжение от засохших слёз, не пришёл в себя и, уже спокойнее, пробормотал:

— Ты льстишь так красиво, уговаривая меня остаться.

— Если не хочешь слышать приятное, что же ты хочешь услышать? — усмехнулся Линь. — Решение проблемы скверны прямо передо мной. Пусть мы с тобой и не понимаем, что именно сделала Мелодия Раковины, но, мистер Моисей...

— Что? — поднял на него глаза русал.

— Не заставляй меня умолять, — серьёзно сказал Линь, растянувшись на зеркальной поверхности жемчужины. — Ты не уйдёшь отсюда, пока не переступишь через мой труп.

Моисей раздражённо цокнул. Он понял, что даже если останется, их отношения никогда не будут похожи на связь обычного бога и священника.

— Всё, что ты хочешь знать, со временем откроется тебе само. Даже смысл веры, — пробормотал он. — Кстати, сколько у тебя последователей?

— Один, — невозмутимо ответил Линь.

Моисей, уже уверенный, что ничто его сегодня не удивит, едва не поперхнулся:

— Один?!

Он снова посмотрел на Линя — тот ответил самым невинным взглядом. Русал несколько секунд молчал, потом тяжело вздохнул, поднялся и буркнул:

— Ладно. Насчёт преподавания тебе теологии... согласен.

Ему пришлось согласиться.

«Потому что, — подумал Моисей, — без присмотра этот новоиспечённый бог сновидений долго не протянет».

<http://bllate.org/book/12612/1119995>